

Начало «Польско-Сибирской библиотеки»

А. В. Дулов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Недавно из печати вышло крупное научное издание, рассказывающее о событиях почти двухвековой давности. Это книга «Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия» (Иркутск : Артиздат, 2009). Крупный сборник (более 700 страниц) является плодом многолетнего труда лидера исследователей, изучающих историю пребывания борцов за свободу Польши в Сибири и их взаимоотношений с сибиряками – профессора ИГУ Б. С. Шостаковича. Он является составителем, автором предисловий к книге и текстам польских изгнанников, комментариев, и основным переводчиком текстов. Часть текстов переведена Л. К. Фридман. Выпуск книги был бы невозможен без активной поддержки Генерального консульства Республики Польша в Иркутске и дирекции Историко-мемориального музея декабристов.

В книгу включены тексты четырех польских ссыльных: Ю. Ручинского, А. Гиллера, В. Мигурского, изданных во второй половине XIX в., а также рукописные воспоминания Ю. Сабиньского, публикуемые впервые. Все тексты раньше на русском языке не издавались.

Необходимо отметить огромную работу, выполненную Б. С. Шостаковичем по историографическому и источниковедческому обзору, составлению биографических очерков и комментариев к каждому из включенных в книгу текстов. В статьях и комментариях составителя упоминаются сотни польских ссыльных, представителей администрации и сибиряков, вступавших во взаимоотношения с авторами мемуаров. Иркутск неслучайно стал городом, в котором публикуются польские изгнанники: три из четырех авторов писали свои воспоминания и очерки именно здесь.

Рецензируемый сборник имеет важное значение для всех, кто интересуется жизнью Сибири XIX в. Первые польские невольные обитатели Сибири появились еще в XVIII в.; особенно же массовым их поток становится после восстаний в Царстве Польском, вошедшем в 1815 г. в состав Российской Империи, 1830–1831 и 1863–1864 гг. Общее число борцов за независимость Польши, попавших в Сибирь в XIX в., оценивается более чем в 20 тыс. Кроме того, немалое число поляков приезжали в Сибирь по собственной инициативе в качестве чиновников, военнотружущих, торговцев и ремесленников. В результате, в XIX в. происходит частичное «ополячивание» Иркутска и других сибирских городов. Часть приезжих поляков осталась в Сибири, и теперь сре-

ди иркутян нетрудно встретить потомственных сибиряков с польскими фамилиями.

Каково же содержание сборника? Рецензенту наиболее интересным представляется текст книги Юстыньяна Ручиньского «Конарщик. Воспоминания о сибирской ссылке», изданной на польском языке в Львове в 1895 г. Конарщиками называли членов польской освободительной организации, образованной Ш. Конарским в Волынской губернии в 1835 г. Ю. Ручиньский, один из ее активистов, был арестован в 1838 г., в следующем году приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. Мемуарист подробно, в хорошей литературной форме, рассказывает о нравах киевских тюремщиков, о длинном пути до Тобольска в полупудовых кандалах, по зимней дороге с колдобинами и выбоинами, из-за чего много раз кибитка опрокидывалась, и из нее вываливались и ссыльный, и сопровождавшие его два жандарма. Путь от Киева до Иркутска занял 9 месяцев. Ручиньский детально описывает дорогу, тюрьмы, в которых останавливался на отдых, местных администраторов, и особенно подробно, польских ссыльных и живших в Сибири добровольно поляков, с которыми познакомился в пути.

В Тобольске тяжелые кандалы были заменены легкими, в которых можно было совершать длительные переходы. В апреле 1839 г. партия арестантов, в которой шел Ю. Ручиньский, направилась из Тобольска на восток. В день ссыльные проходили по 18–25 верст, ночевали в тюрьме и затем в полуголодном состоянии шли до следующего этапа, невзирая на жару, слякоть или морозы.

Больше месяца ссыльные пробыли в Иркутске и Усолье, где им разрешили снять кандалы. Затем, после трехмесячного пешего перехода, они оказались на территории Нерчинских горных заводов, в поселке Горный Зерентуй. Некоторое время мемуарист выполнял несложную работу на рудниках, затем поляков освободили от обязательных работ.

Ю. Ручиньский отмечает сплоченность польских ссыльных. Он пишет: «Кто и где, не помню, хорошо сказал, что польская шляхта составляет как бы единую семью. Убедиться в этом мог каждый, кто был в ссылке. Там поляков друг другу не представляют. Знакомство возникает само по себе, и те, кто никогда в жизни не виделись, встречаются и приветствуют друг друга как давние и близкие знакомые. Несмотря на частые, очень ожесточенные и вредные раздоры, в польском обществе существует неразрывная сплоченность, объединяющая всех его членов, главной, даже единственной основой которой является глубокая любовь к родине» (с. 454–455).

Ручиньский впервые приводит подробное изложение своеобразного устава поведения польских ссыльных в Нерчинских заводах, разработанного в 1840 г. От всех членов образовавшейся в Горном Зерентуе коммуны требовалось точное исполнение его правил. «Все было заключено в рамки порядка и почти военного режима. Малейшее уклонение немедленно бывало замечено. Развились крепкие товарищеские отношения», – добавляет Ю. Ручиньский (с. 381). Сплоченность польских ссыльных поддерживалась патриотическими и религиозными настроением, о чем подробно пишет и Ручиньский, и другие «польские сибиряки».

В это время молодая жена мемуариста, Луцье Ручиньская, которой было всего 20 лет, «сумела сдвинуть небо и землю, чтобы облегчить долю мужа», по выражению одного из историков. Ей удалось постепенно ослаблять тяжесть его положения. В результате в 1842 г. Ю. Ручиньский оказался в Тобольске, где вскоре появилась и жена. Затем в 1848 г. политическому изгнаннику разрешили жить в Калуге, а в 1852 г. он получил полное помилование.

В короткой рецензии невозможно подробно пересказать даже все главные особенности воспоминаний Ю. Ручиньского. Он рассказывает о ссыльных декабристах, всячески старавшихся помочь полякам, о чиновниках и простых жителях Сибири, многие из которых хорошо относились к сосланным, об особенностях природы и жизни населения Восточной Сибири.

Весьма ценны публикации Агатона Гиллера, арестованного в декабре 1852 г. и целый год просидевшего в варшавской тюрьме главным образом за статьи о праве Польши на независимость. Так как он, в отличие от дворянина Ю. Ручиньского, числился мещанином, его «восемнадцать месяцев гнали... по этапам пешком от самой Варшавы, в Брест-Литовске... заковали в кандалы», – писал Гиллер спустя много лет. Сосланный в Сибирь в качестве солдата, он находился с 1855 г. в Нерчинском горном округе, в конце 1857 г. получил право выйти в отставку и поселиться в Кяхте, а в 1859 г. жил в Иркутске. Здесь он заведовал библиотекой римско-католического костела, преподавал в школе. На родину вернулся осенью 1860 г., жил в Галиции, эмигрировал в Швейцарию, а умер в г. Станиславе в Восточной Галиции (ныне – Ивано-Франковск).

В сборнике опубликованы три очерка, написанные в Иркутске в 1859–1860 гг.: «В редакцию “Слова” (письмо из Иркутска)»; «Прогулки в окрестностях Иркутска»; «Александровск под Иркутском». Эти своеобразные репортажи дают вполне достоверный обзор событий иркутской жизни 1859 г., рассказывают о путешествии на лодке вверх по Ангаре от Иркутска. Очерки написаны живо и содержат любопытные зарисовки общественной жизни Иркутска, природы и быта обитателей Приангарья.

А. Гиллер – автор многих других работ о Восточной Сибири. Необходимо издать на русском языке его трехтомное «Описание Забайкальского края», вышедшее в Лейпциге в 1867 г., и целый ряд статей о Сибири, опубликованных в 1860–1870-х гг. Много отдал Гиллер сбору сведений о поляках, сосланных на окраины России до 1860 г. Им составлен список, в котором указаны 1183 польских изгнанника, опубликован большой очерк «Польские могилы в Иркутске». Гиллер подготовил также список поляков, выполнявших каторжные работы в Усолье в 1868 г. В нем перечислено 401 лицо.

Хотя А. Гиллер подчас допускает фактические ошибки, иногда субъективен в оценках, его тексты являются ценными источниками, а не вошедшие в состав сборника, возможно, окажутся еще более интересными.

Самый короткий из публикуемых в сборнике текстов – перевод фрагмента рукописи Юлиана Сабиньского «Дневник моей неволи». Ю. Сабиньский был членом организации Ш. Конарского, арестован в 1838 г., находился в каторжных работах в Усолье, в ноябре 1843 г. переведен на поселение и числен в с. Грановское. Напечатанный текст охватывает период с 16 декабря

1843 г. по 4 февраля 1844 г. Удивляет последовательность автора: он делал записи каждый день, не пропустив за 50 суток ни одного дня. Ю. Сабиньский много раз совершал поездки, находясь больше всего в Иркутске и с. Урике, а также в Усолье и с. Александровском. Был в дружеских отношениях практически со всей колонией местных декабристов; каждому из них даются характеристики. Живя в Урике, Ю. Сабиньский преподавал французский и немецкий языки и французскую литературу сыну Волконских Михаилу, а дочерей Волконских и декабриста В. Ф. Раевского учил каллиграфии. Кроме того, Сабиньский рассказывает о ссыльных поляках и некоторых местных жителях. Поскольку опубликован лишь фрагмент из обширной рукописи, охватывающей 19 лет, остается ждать издания других ее частей.

Из всех текстов, помещенных в сборнике, самым большим являются «Записки из Сибири» Винценты Мигурского. Однако из 250 страниц текста лишь последние 15 страниц посвящены пребыванию его в Сибири. Первые 88 страниц повествуют об участии Мигурского в освободительном движении, суде над ним и ссылке солдатом в г. Уральск, следующие 110 – о подготовке и организации его побега из Уральска.

Однако план побега был настолько авантюристическим или даже фантастическим, что был обречен на провал. К этому времени в Уральск приехала его невеста, они обвенчались, и Альбина Мигурская, подобно женам декабристов, проявила подлинный героизм, разделив с мужем все удары судьбы, в том числе и последствия его рискованной авантюры.

В конце 1839 г. Мигурский передал уральскому атаману письмо, в котором заявлял, что от отчаяния решил покончить жизнь самоубийством. Затем Мигурский устроил его инсценировку, якобы утопившись в р. Урале, и более полугода скрывался в доме. Петербургские власти долго не верили, что Мигурский покончил с собой, но спустя 7 месяцев разрешили его жене выехать на родину, в Галицию. Если бы В. Мигурский воспользовался этим и бежал один, то у него было бы гораздо больше шансов на удачу и надежду соединиться с женой после ее отъезда из Уральска.

Однако супруги поехали вместе, причем муж прятался в тарантасе. Они даже везли с собой трупки двух умерших в Уральске младенцев, чтобы похоронить их на родине. Служанка жены также участвовала в укрывательстве Мигурского. До Львова (центра Галиции) от Уральска по прямой – около 1900 км. При тогдашних плохих дорогах и не очень прочных экипажах дорожные неприятности случались часто. Такое большое расстояние без дорожных происшествий преодолеть было невозможно. И, проехав примерно 450 км, около города Петровска Саратовской губернии, тарантас потерпел аварию, в результате которой Мигурский был травмирован и вынужден признаться в побеге.

После следствия и суда было принято относительно мягкое решение: В. Мигурского, не лишая шляхетского звания, отправляли солдатом в далекую Сибирь. Женщин от уголовного наказания освободили; Альбину Мигурскую подвергли штрафу, но разрешили следовать за мужем. В 1842 г. они поселились в Нерчинске, причем Мигурскому позволили заниматься хозяйством, хотя он числился солдатом. Жена его, измученная моральными и физически-

ми потрясениями, умерла в июне 1843 г. Сам же Мигурский отказался от предоставленной ему возможности получить офицерское звание, не желая служить в чужеземной армии, и лишь в 1859 г. вернулся в Польшу.

В целом сборник содержит большой объем новой информации о Сибири XIX в. Хотя в его текстах основное внимание уделено польским ссыльным, иногда встречаются субъективные и даже националистические оценки, он дает также много сведений о жизни русского и коренного населения, составе и действиях администрации, ссыльных декабристах. Сборник имеет подзаголовок: «Польско-сибирская библиотека», так как планируется издание новых томов, написанных поляками, находившимися в сибирской ссылке. Остается признать, что первый шаг в этом направлении оказался удачным, и пожелать успешного осуществления этого замысла.

Formation of the "Polish- Siberian library"

A. V. Dulov

Irkutsk State University, Irkutsk

Александр Всеволодович Дулов – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Иркутского государственного университета

Aleksandr Vsevolodovich Dulov – Doctor of Historical Science, Professor of the Faculty of History, the Irkutsk State University